

П. Л. ЛАВРОВ

Народники-пропагандисты

<Фрагменты>

<...>

До сих пор все политические и умственные движения в нашем отечестве выростали из элементов, переданных нам с запада, хотя можно разглядеть при этом перенесении общечеловеческих идей на русскую почву характеристические особенности, обусловленные специальною средою, встречаемою этими идеями на новой почве, причем уже проявлялось иногда и обратное действие. Но общеисторическое течение и не может уклониться от этого фатального условия. Если московское царство и Петербургская империя употребляли все усилия, первое — чтобы не дать развиваться в России критической мысли, и вторая — чтобы заимствовать из цивилизованных стран исключительно приемы техники и полицейское управление, то не мудрено, что прогресс в России мог иметь место лишь путем перехода в Россию идей, выработанных там, где они имели возможность выработаться.

Принципы социализма не составляют в этом случае исключения. И они пришли к нам с запада, в той последовательности, как они там появлялись.

«Из Франции, разумеется, не из Франции Луи Филиппа¹ и Гизо², а из Франции Сен-Симона³, Кабэ⁴, Фурье⁵, Луи Блана⁶ и в особенности Жоржа Санда, лилась на нас вера в человечество; оттуда воссияла нам уверенность, что золотой век не позади, а впереди нас»*.

Уже то обстоятельство, что тут фигурирует «в особенности Жорж Санд», указывает, что экономический вопрос в этом первоначаль-

* Щедрин: «За рубежом»⁷.

ном русском социализме был заслонен другими. Точно так же впоследствии Фейербах⁸ был для социалистов 60-х годов более непосредственным учителем, чем Лассаль⁹ и Маркс¹⁰; манифест же коммунистов 1847 г.¹¹, с его определенной постановкой вопроса, едва ли был кому-либо из них известен. В кружке Петрашевцев¹², который был одним из центров социалистических идей в России, главные выставленные требования были: уничтожение крепостного права, введение гласного судопроизводства и дарование свободы слова, т. е. требования несколько не выходявшие из пределов самой скромной программы либеральной буржуазии. Правда, 7 апреля 1849 г., в день рождения Фурье произносились речи в честь «нового мира им открытого», высказывалась надежда, что «рухнет и развалится все это дряхлое громадное вековое здание и многих задавит оно при разрушении»; надежда на «скорое торжество». Но социалистические утописты в это время для Европы были чем-то уже совсем устарелым, так как борьба классов там принимала все более сознательный характер; Париж пережил июньские дни; формула: «пролетарии всех стран соединяйтесь!» была уже напечатана, хотя имела очень незначительное распространение. Для социализма, как и для европейской истории вообще, приближался новый период.

Уже гораздо определеннее социализм этого наступающего периода отразился в книге Герцена «С того берега»; «Колокол», хотя и имел преимущественно характер политический, оставался все-таки органом «неисправимого социалиста» и до самого конца своего существования (даже, может быть, всего более, как увидим ниже, в свои последние годы) признавал социализм своим «гражданским катехизисом». Бакунин был еще в 40-х годах знаком с швейцарскими социалистами кружка Вейтлинга, а по возвращении в Европу из Сибири, вступил в организацию Интернационала вскоре после его основания, причем, конечно, не мог не внести в эту организацию своего прирожденного «наслаждения разрушением». В политико-экономических и публицистических статьях Чернышевского¹³ экономический элемент социализма, как критика буржуазной экономики, выступил совершенно определенно*. В 1868 году появился и первый орган на русском языке, приступивший определенно к программе Интернационала. Это было «Народное дело», первый номер которого вышел 1 сентября 1868 г. в Женеве¹⁴.

* Герцену, Чернышевскому, Бакунину точно так же, как и эпохе реформ (1855–1863) и первой эпохе реакции царствования Александра II, имеется в виду посвятить особые статьи (А. [отдел 2 сборника «Вперед!» «Что делается на родине»] 5–9).

Оно объявляло (стр. 1):

«единственными вопросами, лежащими в основании всех прочих, как в России, так и в других странах... вопрос об освобождении многомиллионного рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства».

Программа издания начиналось словами:

«Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа» (6)

и формула «социально-экономическое освобождение» пояснялась словами, напечатанными крупным шрифтом:

«Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатываем своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы работникам — рабочим ассоциациям».

Политически элемент программы определяется следующим образом:

«Вся будущая политическая организация должна быть не чем другим, как свободною федерацией вольных рабочих как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)».

Далее это разъяснялось как «окончательное разрушение государства», «искоренение всякой государственности», требование «полной воли для всех народов, ныне угнетенных (Российскою) империею», и «федерация снизу вверх» для тех, которые «захотят быть членами русского народа» (7).

В первом же выпуске начат был ряд статей, задача которых была критика «правительственных реформ», о которых тут же высказывалось: «Государство хотело только разыграть и действительно разыграло комедию» (11). Во втором (№№ 2–3; октябрь 1868) журнал объявил себя «органом революционной пропаганды» (25) и связывал в руководящей статье («Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее») свое появление с упомянутою выше «организациею пропагандистов» начала 60-х годов, которая должна была подготавливать «народную организацию вооруженных борцов». С третьего выпуска (№№ 4–5; 6 мая 1869) начались два ряда статей («Политика мещанства и политика социализма» и «Отдел интернациональной ассоциации»), устанавливавших солидарность издателей с рабочим движением Интернационала. Русские социалисты вместе с тем входили элементом в мировую борьбу труда с капиталом.

Но особенности страны, в которой выработался этот элемент, социальные условия, которые выработали его именно таким, каким он представлялся в конце 60-х годов, характер личностей, выдвинутых обстоятельствами на первое место в развивающемся движении, отозвались неизбежно на формах проявления русского революционного

социализма с первых же фазисов его участия в этой великой мировой борьбе <...>

В 1861 году после 13 лет тюрьмы и ссылки появился снова за границей Бакунин. Он еще ранее Герцена оставил Россию, еще менее его мог знать новые течения, в ней образовавшиеся; но для него всякое революционное дело во имя какого угодно принципа (социалистического, радикального, национального или какого-либо другого) было дело ему милое и близкое. Его прошедшее окружало его для всех недовольных в России блестящим ореолом. Его чарующее влияние на личности и сила внушения, которою он обладал, немедленно создали около него группы приверженцев, которые в его безусловно-революционном строе мысли находили привлекательность большую, чем у Герцена, с его язвительным остроумием, в достаточной мере проникнутым скептицизмом, и с его симпатиею к более изящному радикализму.

Нисколько не внося в свое разногласие раздражения, эти два старшие героя тогдашней эмиграции были, независимо от своей воли, сторонниками двух различных направлений, и их полемика (напечатанная лишь впоследствии) читалась с жаром русскими эмигрантами всех оттенков. Их обоих, как признавал Герцен*, «занимал один и тот же вопрос», единственный «*серьезный* вопрос, существовавший на историческом череду». Но для Герцена это было «время окончательного изучения... которое должно предшествовать эпохе осуществления». Он спрашивал себя в 1869 г.: «готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело?» Он понимал социальную битву преимущественно как битву, чтобы «войти в ширь понимания в *мир свободы в разуме*». Его не пугало слово «постепенность». Он формулировал свое разногласие с Бакуниным в словах:

«Ты рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушения, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять *шаг* людской в былом и настоящем для того, чтобы знать как идти с ним в ногу».

За несколько дней до смерти Герцен должен был с горьким чувством писать товарищам, стоявшим перед теми же вопросами, как и он: «мозг мой отказывается понимать многое из того, что вам кажется ясным», и ему приходилось возмущаться против «иконоборцев», дошедших до «гонения науки», тогда как для него существовали «один голос и одна власть — *власть разума и понимания*».

* «К старому товарищу» в «Сборнике посмертных статей», стр. 283 и след.

Бакунина эти соображения не останавливали и не могли остановить. Но и он не был уже в это время единственною резко оппозиционною силою, перед которою бледнело влияние Герцена.

За границу явились, как новый слой эмиграции, ученики Чернышевского и Добролюбова¹⁵, сторонники первой «Земли и Воли»¹⁶ и русские, стоявшие в рядах польских повстанцев 1863 года. Извещая центральный комитет общества «Земли и Воли» 28 июля 1863 г. о своем благополучном бегстве за границу, Николай Утин¹⁷ был не только новым одиноким эмигрантом, которому подобно прежним приходилось создавать себе почву деятельности и связи с покинутою родиною. Он явился представителем существующей уже в России революционной организации, и, привыкнув к тому влиянию, которое он имел в университетской молодежи Петербурга, даровитый и самолюбивый молодой человек готовился не к подчиненной роли рядом со старыми эмигрантами. Вся новая эмигрантская молодежь приносила в своем «нигилизме» за границу не дух дисциплины, а резкую решительность придать эмиграции, в связи с революционным движением в России, характер, которого не знали представители знаменитых 40-х годов, какими были и Герцен и Бакунин. Это молодое непокорство еще резче выступило в болезненной натуре Александра Серно-Соловьевича¹⁸, которое довело его впоследствии до психиатрического приюта, а ранее того обнаруживалось в желчных памфлетах против Герцена и в грубой полемике с Н.¹⁹ Еще новый раздражительный элемент революционного авторитаризма, бесцеремонной игры личностями для революционной цели и феноменально-непреклонной энергии вошел в эмиграцию с появлением там Нечаева. И вот 1868–1870 годы представляют ряд заграничных литературных предприятий, появляющихся и исчезающих, переходящих из одних рук в другие и самым составом своих редакций обнаруживающих трудно-примиримые разногласия направлений. Бакунин с Утиным начинают «Народное Дело» осенью 1868 г. Первый номер его, по собственным словам Бакунина («Наука и насущное революционное дело», вып. 1, стр. 1), «почти исключительно принадлежит» ему, однако влияние новых элементов, пришедших в эмиграцию из России за последние годы, было очень заметно. Уже во втором выпуске Бакунин публично отрекается от участия в издании. В мае того же года Л. И. Мечников²⁰ и Н. основывают «Современность». В декабре Герцен предлагает Огареву приостановить издание «Колокола». В ноябре 1869 г. «Народное Дело», вооружаясь против влияния Нечаева, печатает резкий запрос Герцену, Огареву и Бакунину. Через 2 месяца после того умирает Герцен,

и смерть великого борца за дело русского народа и русской интеллигенции проходит почти незаметной для России и даже для русской эмиграции, главный центр которой он составлял в продолжении более 20 лет. С его смертью «Колокол» передается Огаревым в руки Бакунина и Нечаева, сумевшего подчинить своей энергии Бакунина, и в мае окончательно прекращает свое существование. В его последних номерах находим несколько документов по делу Нечаева, и влияние последнего на издание несомненно. В № 5 (от 2 мая) встречаем в нем объявление о брошюре Бакунина «Наука и насущное революционное дело» № 1*. Вскоре затем (по свидетельству лиц, лично стоявших близко к Бакунину) он разрывает компрометировавшую его связь с Нечаевым. С другой стороны, начинается самая желчная вражда против Бакунина со стороны Н. Утина, который в последующие годы все более разжигает враждебность против него со стороны К. Маркса и Фр. Энгельса, пока, «поумнев», не изменяет и этим своим союзникам, социализму и русской революции вообще, доставляя один из ранних примеров крупного ренегатства в рядах русских социалистов — увы! не последний. Но в России имя Бакунина получает все более широкое значение. В Петербурге в кружке, собиравшемся у Лазаря Гольденберга²¹, ведутся горячие прения по поводу его статей в первом выпуске «Народного дела». Его речи на конгрессах мира и свободы и Интернационала проникают в отдаленные уголки страны**. В «Воспоминаниях землевольца»²² находим следующие строки, характеризующие тот взгляд, который господствовал относительно Бакунина в России:

«Мы лично не знали Бакунина, но то, что мы слышали от других, напоминает что-то сказочное, эпическое. Это — Святогор²³, которого не могла снести Русская земля. В старину такие люди становились атаманами “воровских шаек”, вольницы, защитниками народных прав и бичами его притеснителей. В настоящее время, при благоприятных политических обстоятельствах, такие люди становятся народными трибунами. Таким, действительно, был Бакунин на Западе. Он там хорошо известен. Буржуазная Европа приходила в ужас при одном только имени этого “апосто-

* Так как эта брошюра представляет одно из самых определенных изложений теоретической программы русских бакунистов 1873–76 годов, то я считаю удобным привести из нее цитаты в одной из следующих глав, говоря о позднейшей деятельности этой фракции, хотя брошюра и появилась в 1870 г.

** Отрывки из них, между прочим, были переведены в отдаленном Кадникове для воспитанников Вологодской учительской семинарии.

ла всеобщего разрушения»*. Его считают творцом анархического движения в Италии, Испании и Франции. Он пользовался громадной популярностью среди рабочих, особенно итальянских. Такой человек, естественно, должен был оказывать громадное влияние на молодежь». <...>

В эту эпоху русские колонии молодежи, способной образовать более или менее живые центры движения, преимущественно группировались в Швейцарии и особенно в Цюрихе. Там, при большом приливе учащихся молодых людей и молодых женщин около университета или политехникума, стояли рядом и те социалистические группы, которые приступили к программе «Вперед!», и те, которые по отношению к социализму остались под непосредственным руководством Бакунина и его ближайших сторонников. Там же, наконец, встречались и те элементы, скорее рассеянные, чем составлявшие организованную группу, которые вынесли из предшествовавших фазисов русского движения наклонность отодвигать социалистические принципы, организацию рабочих и классовую борьбу на второй план, ставя для России на первое место продолжение борьбы против абсолютизма: элементы будущего русского якобинства, «Набата»²⁵. Второстепенным центром в Швейцарии были Локарно, «столица анархизма», где преимущественно жил Бакунин, и Женева, где работала русская типография, основанная петербургским кружком и перешедшая из-под руководства Александра²⁶ (оставшегося в Цюрихе) в руки Лазаря Гольденберга; там же оставались разбитые элементы утинского кружка, вполне враждебного бакунистам, но с которыми и сторонники «Вперед!» не желали очень сблизиться (хотя Ник. Утин предлагал отдать свою типографию в их распоряжение), так как слишком бесцеремонная вражда Утина против Бакунина вызвала против него сильное раздражение во всей эмиграции (вследствие этого даже безобразная кулачная расправа бакунистов с Утиным осенью 1872 г. — о чем упомянуто выше — вызвала в русской колонии не столько возмущения, как оно было бы при других условиях).

Цюрих сделался довольно случайно в эту эпоху главным центром заграничного политического движения русской молодежи.

<...> Историческое движение в эту же самую эпоху неизбежно вело к тому, чтобы во всяком скоплении живой молодежи, по какому бы поводу оно ни произошло, возникало течение мысли, с одной стороны, оппозиционное правительству, с другой — получающее социалистическую окраску, особенно в Европе, где с половины

* Слова в кавычках принадлежат Лавеле²⁴.

60-х годов вся историческая жизнь стала все более обуславливаться вопросами социализма. Инициаторки научного движения русских женщин в Цюрихе напрасно просили социалистических агитаторов оставить Цюрих в стороне, чтобы не мешать тамошнему скоплению молодежи в виду *научных* занятий. Они правильно предвидели, что русское правительство разгромит этот *научный* центр, как только он сделается центром социальной и политической агитации. Но не возникнуть эта агитация не *могла*, как только произошло скопление русских интеллигентных сил. Если бы дело шло не об основании «Вперед!», эта агитация происходила бы на почве борьбы (тогдашнего) анархизма с марксистами, на почве нечаевщины, на почве полусоциалистических якобинских фракций, подобных тем, которые стояли на первом плане в 1864–72 годах. Так или иначе в сфере бесстрастной науки, чуждой политическим вопросам, *не могла* оставаться приливающая туда молодежь, а потому и вполне реакционное в 70-х годах правительство Александра II *не могло* предоставить беспрепятственно русской молодежи ехать в Цюрих «учиться».

Как бы то ни было, но вследствие комбинации указанных поводов, в конце 1872 и в 1873 году в Цюрихе образовалась довольно многочисленная колония русской учащейся молодежи. Часть города, носящая название Оберштрассэ, особенно улица Флюнтерн, сделалась как бы русским городом. В аудиториях университета и политехникума (преимущественно в медицинском факультете), на улицах, на Цюрихском озере слышалась сплошь да рядом русская речь. По вечерам распевали русские песни <...>

Из более крупных новых эмигрантов в связи с соперничеством заграничных фракций следует упомянуть появление в Цюрихе в первые месяцы 1873 г. Соколова²⁷, около начала 1874 г. — Ткачева²⁸.

Первый немедленно вошел в ряды бакунистов, стал одним из самых резких порицателей Лассаля и Маркса и вскоре безобразным фактом кулачной расправы с секретарем редакции «Вперед!» (при содействии или попусшении нескольких крупных бакунистов) вызвал такое возмущение в русской цюрихской колонии (совершенно помимо политического направления тех или других лиц), что на русском собрании колонии огромным большинством постановлено было требовать от кружка бакунистов, чтобы они удалились из Цюриха (конечно, это постановление ограничилось *моральным* действием). Приезд в Цюрих Бакунина на помощь своим сторонникам оказался безуспешным. Вражда фракций получила такой острый характер, что вызвала целый ряд печальных явлений, отчасти трагикомических. Они послужили точкой исхода и таким позднейшим эпизодам

(в конце 1873 и в начале 1874 г.), которые мало-помалу исказили идейный характер русского цюрихского движения, позволили появиться среди колонии группам, не имеющим ничего общего с политическими и социальными задачами русского общества (вроде группы «негодницы») и окончательно к весне 1874 г. (после разъезда изгнанных студенток и перехода в марте типографии и редакции «Вперед!» в Лондон) отняли у Цюриха всякое серьезное влияние на русское движение <...>.

Значительный повод раздоров между европейскими социалистами того времени, именно бакунинский «анархизм» (имевший совершенно иной характер, чем европейский анархизм в первой половине 90-х годов), очень мало касался России и русских революционеров. Они для *своей* задачи были неизбежно враждебны государству, как оно существовало и функционировало в России. В европейских же государствах, в противоположность русским либералам, они не могли видеть, уже со времени статей Чернышевского, никакого общественного идеала. Однако, при разборе своих местных русских задач, они не имели никакого повода принимать определенное участие в борьбе между сторонниками Генерального Совета Интернационала и массами рабочих социалистов, исключенных из Интернационала после Гаагского конгресса*.

Редакция «Вперед!» посвятила вопросу об отношениях социализма к государственности ряд заметок и более значительный целый этюд, совершенно независимо от другого ряда статей, посвященных фактам раскола между западными социалистами <...>.

Литература бакунистов была связана самым тесным образом как с полемикой заграничных русских политических фракций в конце 60-х и в начале 70-х годов, когда еще не начиналось в России движение в народ, так, в особенности, с тою междуособною борьбою в рядах западноевропейских и американских социалистов, которая привела к расколу в Интернационале, обусловила на западе постепенное выделение «анархистов» из общего движения организованных рабочих и нынешнее их положение. Отсюда два явления в литературе этой фракции, на которые нельзя не обратить внимания: во-первых, значительная ее доля принадлежит скорее к истории развития западного социализма в 70-х годах, чем к истории *русского* движения,

* Летом 1873 г. по решению Генерального Совета, перенесенного тогда в Нью-Йорк, перестали быть членами Интернационала все национальные и местные федерации, секции и лица, принимавшие участие в конгрессах Брюссельском, Кордовском и Лондонском, т. е. вся Бельгия, часть Италии и часть британских секций.

о котором здесь идет речь; во-вторых, издания бакунистов, появившиеся в 1873 г. и назначенные преимущественно для пропаганды социалистических идей в России в эту эпоху возбуждения молодежи (как «Историческое развитие Интернационала»*), были составлены преимущественно из переводов литературных статей, а также из речей Бакунина, относящихся к 1868 и 1869 годам, когда раскол в западном Интернационале еще не имел места, так что самые характеристические для русского движения черты бакунистской литературы тогда наиболее определенно высказывались в произведениях, собственно к этой эпохе не относящихся, как, напр., в брошюре Бакунина 1870 года «Наука и насущное революционное дело». Последнее всего удобнее объяснить тем обстоятельством, что в 1866–70 годах русских бакунистов не отвлекала еще от *русского* дела их роль европейской социалистической партии, борющейся с марксистами; что касается до эпохи (1874 и следующих годов), когда реальное движение в народ вызвало на почве опыта изменение в постановке социалистических задач в России, то тогда русская бакунистская литература представляет очень мало произведений.

Основною точкою исхода теории и тактики русских революционеров бакунистская литература выставляет борьбу с государственною и с «реформаторами-государственниками», которые («Наука» [«Наука и насущное революционное дело» (1870)], 2–5) «думают, что государство есть лучшее и даже единственное средство для достижения народных целей и для осуществления высоких народных судеб; и потому ставят всегда и везде на первом плане преуспеяние и силу государства, как единственно возможной основы для блага народного».

Им противопоставляются «революционеры», но при этом последние: «делятся, в свою очередь, на две категории: на доктринеров и на людей живого, насущного дела. Революционерами-доктринерами я называю тех, которые дошли до революционного понимания и до сознания необходимости революции не из жизни, а по книжкам».

Одни из них менее серьезные: эти «тешатся невинною игрою в революции»; более серьезные «знают и объяснят вам, как нельзя

* К этой же литературе, собственно, относится «Сытые и Голодные» (1875 г.), о которой будет сказано несколько позже; но уже по самому своему значительному объему эта книга никогда не могла быть предметом сколько-либо крупного распространения в народе, и более характеристична, как признак направления мысли среди агитаторов, которым имела в виду служить пособием для изустных рассказов. — Беллетристика и статьи только что указанного рода занимают немалое место и в газете «Работник», несколько номеров которой мне удалось достать в самое последнее время.

лучше, почему в настоящее время всякий порядочный человек должен быть революционером. И странная вещь! Зная это так хорошо, они редко с необыкновенным трудом становятся сами настоящими революционерами... Их революционная страсть по преимуществу отвлеченная, головная, и только редко серьезная».

Против этих именно «доктринеров» направлена брошюра Бакунина <...>.

По роли, которую Бакунин играл в польском и южнославянском движении, и по тем обвинениям его в «панславизме», которые и до сих пор повторяются, совершенно понятно, что и польскому, и общеславянскому вопросу посвящено немало места в литературе, о которой мы теперь говорим. Однако цитаты, которые можно бы привести («Гос. и Ан.» [«Государственность и анархия» (1873)], 109 и след., 132 и след.; «Ист. р.» [«Историческое развитие Интернационала»], 339 — для поляков, «Гос. и Ан.», 55 и след., 67 и след., 112 — для славян вообще) совершенно ясно показывают, что братство с поляками для Бакунина и его сторонников происходило на почве социализма и социальной революции (точно так же, как по сказанному выше (стр. 122 и сл. [см. изд.: СПб., 1907. — П. Т.]), это имело место в Лондоне в 1875 г.), а несколько не на почве исторической Польши; что эта фракция русских социалистов, точно так же, как и другие, была прямым врагом «панславизма» не только в смысле политической гегемонии России в славянском мире, но и вообще всякого «государственного» славянского идеала. Характеристическою чертою позднейших взглядов Бакунина в этом отношении (вызванных, может быть, до известной степени, борьбою против Карла Маркса) было лишь упомянутое выше противоположение славян (и южных европейцев), как племен будто бы антигосударственных (и потому самому более революционных), немцам, как племени государственному по самой своей истории.

Все, перед этим сказанное, относится к литературе этого направления в 1873 г. (и предшествовавшим, как указано выше), когда еще движение в народ в России не определилось. Немедленно вслед за этим движением начинают в этой литературе бледнеть и черты раздражения против пропагандистов в России (так как там бакунистская молодежь почти вся занималась пропагандою и в очень малой доле «бунтарством» и «вспышкопускательством»²⁹), и черты борьбы западных «анархистов» против марксизма.

Мы еще вернемся ниже к примирительной отрасли заграничной революционной литературы, обозначавшей в 1877 и последующих годах переход к новой эпохе и характеристичной по своему парал-

лелизму с движением «Земли и Воли» в России*, но прежде того остановимся несколько на еще одном революционно-литературном направлении, возникшем в 1874 г. и имевшем совершенно особенный характер. <...>

«Бакунисты» и «впередовцы» в печати и в кружках в России спорили преимущественно о роли знания в революции, причем, как было сказано выше, спор был вызван недоразумением. И в статьях самого Бакунина, и в наиболее обдуманых работах его сторонников можно найти прямые указания на пользу или даже на необходимость для русского революционера социологических знаний и ознакомления с народным бытом, с народными потребностями в России. Но и «Вперед!» во всех изданиях, появлявшихся под его фирмою, требовал от революционера умственного упражнения и знания лишь в той мере, в какой это упражнение и это знание могли служить целям социальной революции. Как только в ряды бунтарей стало проникать сознание, что не обойтись без некоторого *подготовления* к бунту и себя — агитатора — и народа — предмета агитации, — так вопрос о пользе знания и споры, сюда относящиеся, сами собою заглохли.

Но в этот период, о котором идет преимущественно речь в этой статье, именно этот пункт вызвал самые оживленные и ожесточенные прения. Об этом спорили в биллиардной зале в Цюрихе, на Выборгской стороне в Петербурге, в Киевской коммуне. Редакции «Вперед!» пришлось посвятить этому две большие статьи (I, 217–246 и III, 153–187³⁰) в непериодическом его издании и несколько раз возвращаться к тому же вопросу в двухнедельной газете (наприм., в № 14: «Социалистическая и буржуазная наука» стр. 417 и след.). «Вперед!» выражался весьма определенно об ученых индифферентистах («Вп.» I, 241):

«Это, действительно, с точки зрения нравственности, люди далеко не передовые, потому что какой же человек, нравственно развитой, способен работать в своей лаборатории, когда его соотечественники режутся на улицах в бесконечном ряде переворотов, ни один из которых не может выработать прочного общественного строя?»

В среде же революционной молодежи было распространено мнение, «что в самом приобретении знания заключается нечто возвращающее, что русская молодежь может увлечься наслаждением

* См. статью Э. А. Серебрякова: «Общество Земля и Воля» в выпуске 4. [Серебряков Эспер Александрович (1854–1921) — народоволец, морской офицер. С 1880 г. член военной организации «Народной воли». Выданный Дегаевым, эмигрировал в 1883 г. Сотрудничал в «Вестнике “Народной воли”», в изд. «Фонда Вольной Русской Прессы» и т. д.]

этого умственного пира, в кабинетном эгоистическом наслаждении ученых специалистов забыть о своем долге идти на помощь народу, забыть о практической стороне деятельности, для которой она обратилась к знанию; путь к революции через обширную область знания может сделаться в ее глазах сам для себя целью, и вместо поколения революционеров мы получим поколение филистеров, книгоедов, для которых познание будет само по себе идеалом, ученый диспут будет самой интересной битвой, замещение одной книжной теории другою — самой прогрессивной революцией». <...>

В России признание «необходимого, в каждую данную минуту общественной жизни, минимума государственной власти» вызвало неудовольствие не только в рядах бакунистов, но и во многих впередовцах, остававшихся в теории при принципах анархизма, несмотря на свое признание требований организации. Это отчасти повело к изменению редакции «Вперед!», а затем к сокращению этого издания, о чем будет сказано ниже. Если бы последнее продолжало существовать, то через очень недолгое время эта теория минимума власти, необходимого при всякой революционной организации, вероятно, нашла бы себе поддержку в фактах самого русского движения.

Однако же в 1874–76 годах раздражение «бунтарей» против «подготовителей», особенно в заграничных публикациях, не имело оснований уменьшиться, так как представители последнего направления выступили до некоторой степени и агрессивно против анархии. Они не только заявляли в печати («Вп.» № 48) и в речах перед судом («Вп.» V, 151) необходимость «организации революционных сил», высказываясь не за «подрыв государства» и не за «анархию», а за «обеспечение лучшего общественного строя» и за «гармонию и порядок во всех общественных отношениях». Они в то же самое время указывали («Вп.» IV, 15), что из рядов бакунистов вырабатывались параллельно и политическая программа «альянсистов», пытавшихся «организовать самую энергическую власть в среде современного социализма», и самые крайние анархические секции Швейцарии и Бельгии, причем последние, при формулировке своих задач тем не менее не могли не внести «элемент обязывающей и принудительной власти в построение будущего общества» и даже прямо высказывались:

«Рабочие... государство должно принадлежать нам».

Может быть, наиболее раздражительным поступком в этом отношении была весьма нетактичная формулировка извещения о смерти Бакунина («Вп.» № 36; 402), в котором было сказано между прочим: «он слишком часто был окружен людьми, его недостойными и компрометировавшими его своею близостью».

Эта неосторожность, вызванная раздражением полемики той эпохи, имела бы, вероятно, гораздо более вредное влияние, если бы в июле 1876 года, когда появились эти строки, положение дел в России было то же, что в 1874 г. Тогда значение заграничной русской революционной литературы было уже потому велико, что пропаганда с помощью печатных листов была одним из самых распространенных приемов революционной деятельности, следовательно, и на все частности ее проявления обращали большее внимание, в особенности вследствие борьбы фракций. Но в 1876 году упомянутое значение быстро ослабело вследствие изменяющегося характера движения в России. И специально народническая пропаганда с целью народного восстания, как единственной формы переворота, и анархизм самостоятельных групп отжили свое время, а потому и вопрос о характере той или другой фракции не вызывал уже особенного внимания <...>

